

● Всеволод Георгиев

Такси для Одиссея

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г36

Георгиев, Всеволод
Г36 **Такси для Одиссея: Роман.** – М.: Этерна,
2011. – 224 с.

ISBN 978-5-480-00256-0

«Такси для Одиссея» – современная новелла. Если ты жил как умел, по мечте, будь готов к одиночеству. Если ты знаешь, по каким законам движется пуля, нет гарантии, что ты от нее уберешься. Опыт, интеллект, навыки в схватке не заменят чистоту помыслов, мудрость, сильный характер.

Подобно гомеровским персонажам наш герой старается держать курс, не впадая в отчаяние. Как и они, он не приемлет ни наивности оптимизма, ни озлобленности пессимизма, угадывая гармонию жизни в ритме падений и подъемов. Ведь ощущение гармонии жизни выше самой жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Георгиев В., 2011
© ООО «Издательство
ISBN 978-5-480-00256-0 «Этерна», оформление, 2011

Его застали врасплох. Это худо. Потом он будет корить себя. Вступать в конфликт – последнее дело. Надо уметь избегать конфликтов. Предвидеть. Ловко уходить. И чтобы клиент ничего не заметил. Вроде ты ничего не делаешь. Все идет само собой. Даосистский принцип недеяния.

Но его клиент, вернее, клиентка – Кира, как нарочно, норовила расшатать его внимание, затруднить точную оценку обстановки, притупить интуицию, заглушить предчувствие опасности. Беззаботна, безответственна, беззащитна.

Он сопровождал ее от международного аэропорта. Шофер, Витек, довез их до ее дома...

Так, ну что тут?! Вроде все нормально: безлюдный двор, тяжелая дверь подъезда. Сталинский дом, горящие фонари. Микроавтобусов нет. Автомобили спят. Внутри них пусто. Номера чистые...

Синий весенний вечер, запах холодной земли, голые ветки деревьев, сухой асфальт и уходящее ввысь московское небо с первой звездой.

И еще – всплывающий жуткий лунный блин. Поднимаясь, он становился все меньше и меньше в диаметре, но его яркость и контрастность возрастали, будто кто-то подкручивал фокус, добиваясь его превращения в четкий, сияющий белый круг.

– Максим, – окликнула его Кира, подняв глаза к темнеющему небу, – возьмите чемоданы.

– Я – телохранитель, а не носильщик, – бесстрастно напомнил он, с удовольствием вдыхая тугой и чистый, выбежавший их встречать, ветерок.

– Ох, какой вы! – другого ответа она и не ждала, просто лениво дразнила его. – Витенька, дружок, отнеси багаж наверх и можешь ехать. Я пока подышу свежим воздухом.

Она в три такта крутанулась на месте, так что полы ее распахнутой шубы мягко взлетели, открывая колени, затем взяла Максима под руку и направила его к скамейке. Поневоле пришлось повернуться, и угол дома оказался у него за спиной. Ему страшно захотелось взглянуть туда: он почувствовал угрозу, исходящую от этого угла. Действительно, там вдруг выросли две черные человеческие фигуры и собака.

Шесть красных глаз уставились на даму в дорогой шубе. Прикинь: классовый враг на «Мерседесе» с шофером и с хахалем в придачу. В две головы ударила кровь, легированная этиловым

спиртом, и Максим услышал шипящее «Фас-с-с!». Он освободил руку.

Среднего размера ротвейлер приближался, как скорый поезд, подбадривая себя коротким рычаньем.

Максим успел сделать лишь несколько шагов в сторону набегающей собаки и опуститься на одно колено. Все исчезло, осталась одна скачущая на него цель. Пес, как и полагается, заходил слева, и Максим встретил его прямым ударом левой. Такой удар у него всегда получался. Длинный, точный, хлесткий. Как удар хлыста. Удар прямой левой – кратчайший путь к истине. Таким ударом он не раз отправлял на ринге противника в нокаут. И сразу же – короткий удар правой, как контрольный выстрел в голову.

Пес взвизгнул, поскользнулся, заскулил и, дергая головой, пропал в темноте. Максим встал, чтобы встретить разгоряченного хозяина, уже занесшего руку, как городошную битую. Ну, здесь опыта Максиму хватало с лихвой. Здесь он был спокоен, даже слишком, но взгляд спрятал, мимоходом отряхнув брюки. Как по учебнику, он ушел от размашистого удара и поставил точку, вернее, двоеточие: левой снизу в печень, правой в челюсть. Нападавший сел на мостовую. Его приятель нерешительно остановился.

– Гудвин, Гудвин, – позвал он собаку. – Гуди, Гуди... – тщетно: Гудвин отфыркивался где-то да-

леко в глубине двора, трезво взвесив шансы и рассудив, что эта попытка была чистым авантюризмом.

– Ах, ты!..– не получив поддержки, вскинулся второй пьяница на Максима, но осекся, поймав его взгляд.

Во взгляде он прочел приговор – немедленный и беспощадный. Рвавшиеся наружу ругательства застряли в горле. Максим, переводя дыхание, жестом велел ему убираться. Послушавшись Максима, пьяница подхватил товарища и, не оглядываясь, удалился.

– Гуди, Гуди...– донеслось из-за угла.

Кира стояла, открыв рот с намерением закричать, но так и не успела этого сделать. Поэтому, когда противники испарились, она выругалась и заставила себя рассмеяться.

– Блин! Узнаю тебя, Россия! – сказала она.– Надеюсь, чемоданы на месте!

Баталия произошла так быстро, что Витек все еще стоял столбиком с багажом в руках. Опомнившись, он встряхнул чемоданами и подошел к Максиму.

– 3-3-здорово вы их!

– А ты как думал?! – задорно воскликнула Кира, будто это была целиком ее заслуга.– Фирма веников не вяжет!

– Простите,– отдышавшись, сказал Максим.– Кажется, я заставил вас понервничать. И что

это на меня нашло?! Тоже мне, боксер на пенсии!

– Напротив,– возразила Кира,– вы меня развлекли. И привели в тонус. А то я за бугром совсем расслабилась. А здесь надо привыкать к стрессу. Не хочу подниматься в квартиру. Давайте присядем, и вы мне расскажете, где научились кулачному бою.

Кира подвела Максима к скамейке, села и усадила его рядом.

Из подъезда вышел Виктор. Уже без чемоданов.

– Я оставил свет наверху,– сказал он.

– Спасибо, Витенька. Поезжай! Езжай, мой друг, привыкший к стрессу! Завтра я позвоню, когда понадобится.

– До свидания.

– Всего хорошего!

Машина длинно лизнула светом фар оторопевшие стены, помигала красными огнями стоп-сигналов и нырнула за угол, после чего наступила чуткая тишина, как в зрительном зале, когда гаснет свет. Двор замер.

Максим смотрел в небо.

– Ну, что же вы! Рассказывайте,– затормошила его Кира.

Максим очнулся.

– Где я научился боксу? С юности занимался. Еще со школы. Прочел однажды про Эдвина Хаббла. Знаете, кто это?

– Какой-то волшебник. Великий и ужасный.

– Нет, это Гудвин – великий и ужасный.

– Гудвин? Гуди, Гуди! Кажется, ему сегодня здорово попало?!

– Да уж! Не его день. Не надо было превращаться в собаку.

– Бедняга! Впрочем, сам виноват. Так что же этот, как вы сказали?..

– Эдвин Хаббл.

– Да, Эдвин Хаббл.

– Эдвин Хаббл – знаменитый американский астрофизик. Туманность Андромеды слышали? Выдающийся ученый и выдающийся боксер. Чуть не стал чемпионом в тяжелом весе.

– И вы, Максим, решили последовать его примеру?

– Да, имел такие амбиции. Поступил в университет на физфак и продолжал заниматься боксом.

– Он еще жив?

– Хаббл? Нет, что вы! Он умер, когда я только-только родился. Но... Он продолжает существовать. «Хаббл» – так называется космический телескоп в его честь. Понимаете, американцы запустили целую обсерваторию на орбиту, и сейчас, очень может быть, она пролетает у нас над головами, – Максим взглянул вверх. – Вот только астрофизиком я не стал. Но занимался почти что космосом – океаном.

- Океаном?
- Изучал океан. Работал в институте океанологии.
- Но вы, вроде как, из военных?
- Ну да! Я был военным моряком. Ведь океан – это не только приливы и отливы, это и подводные лодки, и акустические пеленгаторы, и системы обнаружения. Много чего.
- Женаты?
- Был. Двадцать пять лет назад.
- А дети?
- Сын.
- Взрослый?
- Естественно.
- Вы с ним видитесь?
- Он звонит.
- Он не в Москве?
- Нет.
- Нет? А где?
- Где? Ниагарский водопад знаете? Вот он там.
- Что, что? Вы шутите? Как это? – Кира с любопытством посмотрела на Максима.
- Живет в пятнадцати минутах от водопада. В Ниагара Фолс.
- Что он там делает?
- Вообще то, просто живет. Вместе с матерью. Преподает в университете Мак Мастер. Между прочим, знаком с внуками Ольги Александровны Романовой.

– А кто это?

– Ольга Александровна – сестра царя Николая II. Она же уехала из России. Умерла на чужбине.

– Ничего себе! Я не знала. А вы?

– А я не уехал. И пока что жив. К вашим услугам.

– Вы-то почему не уехали?

– Не все так просто. Того, кто много знает, не очень-то туда пускают. Пришлось уволиться и пять лет работать на гражданке. И то – пошли навстречу. Оказалось, все мои темы уже позакрывали. Отделался двумя бутылками водки.

– А сын вас зовет?

– Зовет, конечно.

– А жена?

– Жена? Она, к счастью, замужем.

– Почему к счастью?

– Если бы она не была замужем, я бы не поехал.

– Не понимаю.

– Не поехал бы, и все!

– Какой вы, однако! Они хорошо устроились?

– Еще бы! Свой дом. Сколько комнат – даже не знаю! Три машины. Да я был у них.

– Были? Ну, и что муж?

– Нормально. Для меня он – подарок, ключ, открывающий двери к сыну. Ведь мы же годами не видимся.

– Значит, собираетесь?

- Собираюсь.
- Насовсем?
- Я готов. Там у меня сын. И это главней всего.
- А он сюда не хочет?
- Приезжал один раз.
- И что? Не понравилось?
- Не понравилось.
- Почему?
- Неуютно как-то.
- Вот зараза! Это что там, у мусорных баков?! – возмутилась вдруг Кира.
- Кошка. Кис-кис.
- Как же! Кошка! Кис-кис, – передразнила Максима Кира. – Крыса! Серая, обыкновенная! Пшла! – Кира топнула ногой.
- Максим вздохнул. Кира закинула ногу на ногу.
- Рассказывайте дальше.
- Что рассказывать?
- Что-нибудь. О себе.
- Я уже все рассказал.
- Вы – интроверт, Максим. Однако должна же я знать человека, которому я вверяю себя.
- Это справедливо.
- Итак, в прошлом у вас море, в будущем – дорога за море, а что в настоящем?
- В настоящем? В настоящем я тружусь, как буксир.
- Как боксер?
- Как буксир.

– Как буксир?

Максим опять поднял глаза к небу.

– И хотя я горюю, – сказал он, – что вот я не моряк, и хотя я тоскую о прекрасных морях, и хоть горько прощаться с кораблем дорогим, но я должен остаться там, где нужен другим.

– Что это?

– Это Бродский. Баллада о маленьком буксире.

– Ну, это не про вас, Максим. Маленький буксир. Вы – настоящий боевой корабль. Корабль, иногда нуждающийся в причале.

– Да, где-нибудь в тихой гавани.

– Не знаю, не знаю. Я бы сказала, что ваше место, скорей, в порту, грохочущем и гудящем.

– Кончилось наше время. Нас потеряли в девяностых. Теперь новые корабли на рейде. Так... качаемся на волнах...

– Блин! Развели пессимизм! Не кокетничайте, Максим, вам это не идет.

– По большому счету вы правы. Пожалуй, есть здесь доля кокетства, – честно признался Максим, – зато действует, как анальгин.

Они помолчали, думая о своем.

– Меня сегодня чуть не покусала собака, – сказала Кира.

– Я в курсе, – сказал Максим.

Кира прыснула в ладошку.

– Бедная собачка, – сказала она. – Вам ее не жалко?

– Жалко,– машинально ответил Максим, глядя перед собой.

– Там было еще два уroda. Это настоящее нападение! А?! Максим! Вы понимаете?!

– Если бы это было настоящее нападение, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Это просто моя ошибка.

– Но вы же ее исправили, не так ли? Не переживайте! Давайте считать это каким-никаким приключением.

– Всякое приключение,– упорствовал Максим,– это результат плохо организованной работы.

Кира поежилась. Надо было переменить тему.

– Хотите кофе? – спросила она.

– У вас с собой термос?

– Нет, конечно! Я вас приглашаю наверх выпить кофе. Вы что, не понимаете?

Максим опять вздохнул.

– Понимаю. И потому откажусь. Спасибо за приглашение. Я провожу вас до дверей и только.

Кира встала. Максим тоже поднялся.

– Блин! Правильный, да? Я же вижу, вы один. Один-одинешенек. Это ведь нелегко быть одному. Ну что вы себе вообразили? Разве нельзя двоим взрослым людям просто посидеть в тепле и уюте? Посидеть и поговорить. Всего полчаса. Разве я многого хочу?

Кира взглянула на Максима, он смотрел в сторону, упрямо выпятив нижнюю губу.

– Блин! – опять сказала она и пошла к подъезду.

Максим забежал вперед и вошел первым.

Кира открыла дверь квартиры ключом.

– Знаете что? – сказал Максим.– Я спущусь и буду стоять под вашими окнами столько, сколько вы пожелаете. Вы подойдете к окну и увидите, что я никуда не ушел. Хорошо?

– Вот, вот! Будете стоять и думать: когда ты, наконец, утомонишься? Хотя... если честно, немного гламура мне бы сейчас не помешало.

Максим уже спускался по лестнице. Услышав ее последние слова, он остановился, повернулся и простер к ней руку:

Там брезжит свет, Джульетта, ты как день!

Стань у окна. Убей луну соседством;

Она и так от зависти больна,

Что ты ее сразила красотой...

– Ах, вот так, да?! Значит, мы любим Шекспира? Тогда держитесь крепче!

И Кира певучим оксфордским английским выдала не перевод Пастернака, а оригинал:

But soft! What light through yonder window breaks?

It is the east, and Juliet is the sun

Arise, fair sun, and kill the envious moon,

Who is already sick and pale with grief...

– Нокаут,– сокрушенно сказал Максим.– Я сражен! Так сорок тысяч чашек кофе сразить не могут! Я буду вздыхать всю ночь!

– Идите в задницу! – крикнула Кира и, махнув рукой, захлопнула дверь.

Максим вышел на улицу, вдохнул полной грудью морозный воздух и задрал голову. К ночи похолодало, и темно-голубой шелк, там наверху, украсили звезды. Ветер гнал по небу редкие черные облака. Фонарь во дворе подсвечивал перепутанные, желтые от его света ветки. Издалека они походили на ском-канную сенную труху. Свет, истратив на нее все силы, сразу обрывался и не мешал видеть небо. Туда, в темнеющую голубизну, невозвратно ушел, чтобы встретиться лицом к лицу со звездами, орбитальный телескоп «Хаббл».

Когда в окне появился силуэт женщины, Максим помахал рукой в перчатке. Окно не было освещено, и две фигуры застыли, каждая на своем месте.

Разговор с Кирой не прошел для Максима даром, он, действительно, мечтал о перелете через океан. Там ждал его сын. Максим рвался туда, как рвется к пристани из своих последних тридцати узлов переживший свой век корабль. Мысленно он проделывал весь путь: от Ленинградского шоссе, потерявшего сознание в проб-

ках, – маршрутное такси ныряет в узкие улочки и проезды Химок, пробираясь вдоль каких-то заборов и складов, выскакивая у поворота на Шереметьево, – до американского континента, когда самолет, миновав снега Гренландии, повисает над зелено-коричневой землей Лабрадора, и пассажиры с облегчением вздыхают: «Прилетели!»

Кира тоже не шевелилась. Она прислонилась к оконному косяку, ей не хотелось двигаться, приниматься за дела, строить планы. Ей просто хотелось вот так стоять отвлеченной, созерцающей, ощущать радость или грусть (не важно что) от своего возвращения к почти забытым грубоватым нравам, парадоксальному сочетанию сочувствия и недружелюбия, разгильдяйства и суровости, варварства и благородства. Нет, не смейтесь! Бог с вами! Безусловно, ее мысли не были столь последовательными, обстоятельными и масштабными, пожалуй, их можно было бы свести к незатейливой формулировке: «Хорошо, что не все мужики – свиньи!» Но как раз незатейливость и прямота этого вывода придавала ей уверенности и стоила многих утешительных абзацев.

Так они стояли, не замечая ни времени, ни обитателей дома, пока не подъехала машина ее мужа. Тот вышел, увидел Максима, приблизился.

– Ну, как она?

– Привыкает,– ответил Максим.– Похоже, тревожится.

Кира помахала мужу. Он показал ей на своего шофера, который вытаскивал из машины огромный, как сноп, букет цветов.

– Знаете,– сказал он Максиму,– Кирка – она, как ребенок. Пуглива, но беспечна. Все в одном флаконе. Когда она чувствует себя не в своей тарелке, начинает дерзить. Она вам не пыталась дерзить?

– Нет.

– Ну и ладненько! Вежливость – дизайнер человеческих отношений,– он взглянул на Максима.

Максим подумал: вот прекрасный случай промолчать,– и со значением кивнул.

Возникла пауза, и оба они одновременно решили посмотреть на часы. И оба, заметив движение собеседника, усмехнулись.

– Хотите, вас довезут?

– Спасибо,– сказал Максим,– я лучше пройдусь.

– Тогда удачи!

Подколокольный переулок встретил Максима порывом ветра. Ветер стартовал снизу от Солянки и пересекал финишную ленточку на Яузском бульваре. Настроение у Максима поднялось.

– Когда воротимся мы в Портленд,– замурлыкал он пиратскую песенку,– мы будем кротки, как овечки, но только в Портленд воротиться нам не придется никогда...

Максим по переулку спускался на «московское дно»: здесь когда-то были трущобы знаменитого Хитрова рынка. Теперь – просторно и пусто. На школьное здание, построенное в тридцатые годы напал огромный строящийся «новодел», возле которого стоял черный «Майбах» и выстроились автомобили помельче: «Лексусы» и «Мерсы».

Максим миновал «уютюг» – дом Кулакова,– дом был славен тем, что в нем размещалась самая отвратительная из ночлежек Хитрова рынка,– и вошел в Певческий переулок. Этому переулку, наконец, вернули имя: до Октябрьской революции его переименовали в Свиньинский, в честь писателя и коллекционера, который здесь проживал, а при советской власти он сделался Астаховым, в честь большевика Астахова, которого убили в семнадцатом году на Яузском мосту.

Так Максим вышел на Солянку, улицу, по которой, согласно преданию, проезжал к Куликову полю Дмитрий Донской. Максим, размышляя о событиях сегодняшнего дня, зашагал по брусчатому тротуару в сторону церкви на Кулишках.

Как это он отбил от собаки?! Максим встряхнул плечами, расслабляя руки. Ему захо-

телось пробежаться, но он сдержал себя. Что тут говорить?! Повезло! Ладно! Проехали! В следующий раз надо быть внимательнее. В следующий раз? Ты что, решил жить вечно? – обратился он к самому себе.– Будет ли он, следующий раз? Не по возрасту работа. Мало, что силы есть? А вдруг сердце прихватит? А микроинсульт? Ведь уже намекали, что пора на скотобойню. Ну и отлично! Жизнь, наоборот, только начинается! Глупости все это: инфаркт, инсульт, артрит. Я могу пробежаться отсюда до площади Революции и обратно, я могу подтянуться двадцать раз и пятьдесят раз отжаться.

Максим вспомнил, как шел вот по этой улице до площади Революции в первый день знакомства со своей будущей женой. Тридцать пять лет назад. Точно таким же вечером, только тогда центр города к вечеру быстро пустел. Люди после работы разъезжались по домам. В выходные дни в центре вообще никого не было.

В этом доме был спортивный магазин, а здесь на углу – магазин тканей «Балтика». А станции метро не было. Поэтому они и шли пешком до площади Революции.

Что стало с Москвой?! Это Ленинград был холодным, красивым, немного высокомерным, в старом, но ладно скроенном костюме. А Москва даже главную площадь окрасила в теплые красные тона. Она созревала, хорошела, остава-

ясь барышней-крестьянкой. И вдруг ее понесло. Инвестиционные контракты, как стероиды, вначале будто бы влили в нее силы, но, подсев на допинг, город разбух, засуетился, замельтешил. Закупорились сосуды, в милом лице появилась нездоровая отечность. Барышня-крестьянка превратилась в расфуфыренную красотку, которая покупает дорогие наряды, но редко моется.

Так попадают в руки докторов – пжионов и хапуг, обещавших быстрый эффект и применяющих сильнодействующие гормональные средства. Город-бройлер и город для бройлеров, задыхающийся от стянувших его автомобильных колец, с вылезавшими из-под пояса телесами.

Бездарно потраченные усилия! Бездарно потраченное время! Страна одрябла, пестуя этот флюс.

Максим, помнивший ту, далекую Москву, чувствовал себя пойманным в сети. Как быть, когда твоя мать вышла замуж за жадного индюка? Вырасти и уйти. И все равно раздваиваться: любить и не сдаваться.

– Формулировочка прямо из прошлого века, – подумал Максим. – Куда только не заводят нас Сусанины-мысли?! Перетекают от одного к другому, все дальше и дальше. И уже не помнишь, где начало. Площадь Революции, первое

знакомство, молодость, Москва... Сантименты! А там у тебя сын, – рассуждал он, – там чисто и светло. Там – разумно и выверено. Там хорошо тому, кто живет по закону, здесь хорошо тому, кто на законы плюет. Дело лишь в том, что эта простенькая истина хочет выглядеть загадкой и скрывается под маской «Умом Россию не понять». А из-под маски торчат давно немытые уши.

– Алло! Да, я слушаю! Здравствуйте, Эдуард Александрович. Очень рад! Стараемся! Что? Да, желания клиента – закон для нашего агентства. Вы хотите, чтобы я подобрал для Киры Станиславовны телохранителя постарше? Ага! Но ведь Максиму Максимовичу пятьдесят пять. Куда же старше? Он и так у нас задержался. Если бы не ваш заказ... Еще старше? Тогда непонятно, кто кого будет охранять. Да? А! Понял, понял. Я постараюсь. Обязательно. Будьте уверены. Конечно, конечно. Супруге привет! До свидания. Ага! До свидания. До свида... А не шел бы ты лесом!

Недешевый телефон «Нокия» полетел на стол. Директор частного охранного предприятия сунул руки в карманы и сжал губы в гузку. Глядя на россыпь огней за окнами, он покачивался на носках.

– Этот город – большой дурак! Для ненормальных! – он помолчал, белые и красные огни автомобилей мертвой хваткой впились в хребет улице.– Дятел! – снова возмутился он.– Будет

тебе тупой и еще тупее! Будь уверен! Супруге приве-е-е-т! – передразнил он сам себя.

Город лежал в параличе.

Директор подобрал брошенный телефон.

– Максим, – охрипшим голосом сказал он, – ты где? Домой направляешься? На сегодня все? Ну и слава Богу! Ты вот что, Максим... Помнишь, мы говорили об увольнении, что ты к сыну собираешься?.. Готов? Чудненько! Давай, завтра утром подъезжай, я замену тебе нашел. Ага! Давай, пока! Уфф!

Директор вздохнул и вызвал секретаршу.

– Ирочка, вызови мне на завтра этого качка Кофейникова. Чтоб был готов к работе. Пусть оденется поприличней. Да, и вот еще что: Максим Максимович увольняется. Подготовь все бумаги, ну, ты знаешь, чтобы не задерживать человека.

Следующий день настроения директору не улучшил. Капал мелкий дождичек, и улица была снова парализована теперь уже утренним трафиком. Директор стоял у окна и слушал, как снаружи завывает ветер. Небо то темнело, то светлело.

– К вам Кофейников, – раздался голос Ирочки.

– Пусть заходит.

Кофейников зашел, сцепив, по своему обыкновению, руки перед собой. В костюме он напоминал манекен из витрины.

– Так! Проходи! Сам-то как?

– Порядок, – важно сказал Кофейников и посмотрел на свои руки.

– Давай, садись, – директор откинулся в кресле.

Улыбка у Кофейникова имела довольно странное сочетание смущения и самодовольства. Жаль, что Леонардо да Винчи умер задолго до появления Кофейникова.

Итак, с неуловимой и неубедительной улыбкой Кофейников присел.

Директор сказал ему, что с сегодняшнего дня он обеспечивает охрану Киры Станиславовны вместо увольняющегося Максима Максимовича. Дал Кофейникову полный расклад.

– Поедешь, представишься, скажешь, что работаешь вместо Максима Максимовича. Если будет спрашивать почему, ответишь, что он получил расчет. Если будет сердиться, ответишь, что твое дело – лишь с честью выполнить полученный приказ. Запомнишь?

– Пожалуй, лучше записать.

– Ну, запиши. И вот еще что! Всегда улыбайся. Видел, как в фильмах улыбаются американцы? Улыбка должна быть широкой, а у тебя она какая-то... не поймешь какая.

– Как это?

– Как, как? Покак! Ну, будто ты говоришь чи-и-и-з. Понял?

– Чи-и-и-з. Я запишу.

- Запиши.
- Что за слово такое? Кто его придумал?
- Какая тебе разница? Это слово означает сыр по-английски, понял?
- Ага! А можно я буду говорить сы-ы-ы-р?
- Делай, как знаешь. Только улыбайся.
- Сы-ы-ы-р. Нормально, да? Сы-ы-ы-р.
- Ты слово-то про себя говори. Что ты орешь-то?
- Сы-ы-ы-р, – шепотом сказал Кофейников.
- Ты вообще молчи. Что ты шипишь, как змей?!

Кофейников постарался перейти к полному безмолвию, однако буква «с» все же предательски проскользнула между зубами.

Директор посмотрел на его гримасу.

- Ладно, ты потренируйся перед зеркалом.
 - Сы-ы-ы-р. Сы-ы-ы-р. Клево!
 - Ладно, все! Езжай! Я ее предупрежу.
- Кофейников, покачиваясь, как баркас, загибающий бортами воду, вышел.

Директор встал, выглянул в приемную.

- Ушел? – спросил он секретаршу.
- Куда вы его?
- Место Максима.
- Место Максима Максимовича? К этой мадам?
- Что?! Что такое?! Что тебя не устраивает?!
- Ну, не знаю. Вам виднее.

– Вот именно,– сказал директор.– Слушай, скажи, чего он руки так держит?

– Согнутыми? Привычка такая. Это – чтобы бицепс не растягивался. Так он сказал.

Директор пожал плечами и вернулся в кабинет. Через десять минут прибыл Максим. А еще через полчаса Максим получил расчет и почувствовал себя свободным и одиноким, сродни пятнистым или полосатым хищникам семейства кошачьих. Он распрощался с агентством и, мягко прыгая через лужи, направился к своему логову.

Между тем беспокойное утро директора еще не закончилось. Только он, держа руки в карманах, занял место у окна, как явился Эдуард Александрович, муж Киры.

Директор с видом человека, твердо знающего свою работу, сообщил, что у Киры будет другой телохранитель, согласно договоренности. Эдуард терпеливо выслушал его, думая о чем-то своем.

– Максим Максимович,– начал он и сделал паузу, подбирая слова,– он ведь не простой человек.

Директор посмотрел на него, стараясь понять, куда он клонит.

– Я вначале даже подумал,– продолжал Эдуард,– может, он из наших?

– То есть?

– Ну, из тех, кто обтесывает камень.

– По-моему, он свой камень уже обтесал.

– Вы так полагаете? – сверкнул очками Эдуард. – Вот и я подумал: не похож он на новичка, на неопита. Сдержан. А? Проницателен. Бескорыстен. Прибавьте знание и волю, да еще отсутствие эгоизма. Редкое в наши дни качество. Что получается?

– Что?

– Портрет посвященного высокого градуса.

– Не знаю, – сказал директор. – Я в этом плохо разбираюсь. Опыта маловато. Знаю, что он профессионал. И это меня устраивало, – директор взглянул на Эдуарда. – Зачем же вы от него оказались?

– Да в сердцах брякнул, не подумав. Целый день крутишься. Встречаешься со всякими... К вам это, конечно, не относится. Жизнь ведь такая штука! Есть способ никогда не ошибаться: это – рассчитывать на человеческое свинство! Мысль потом пришла. Я подумал: стоп, кажется, здесь другой случай. Пораскинул мозгами, что если не все так просто? Как он вообще-то? Не обиделся?

– На этот счет можете не беспокоиться. Коротче, с сегодняшнего дня он просто военный пенсионер, и рад-радешенек, что уволился, потому, что давно хочет поехать к сыну: он ведь у него за границей живет, где-то на озере Эри.

– М-м-м. Шотландский обряд, значит?

– Эдуард Александрович, забудьте. Что вы, в самом деле? Прямо идефикс какая-то! Я вам лучше предложу шотландского виски. Хотите? – директор подошел к столу и нажал кнопку. – Ирочка, принеси нам скотч и льда побольше.

Тем временем Максим, с легкой руки Эдуарда невольно ставший вольным каменщиком, полной грудью вдыхал сырой воздух. В воздухе висела водяная пыль, под ногами чернела вода, а наверху летели обрывки туч.

А Кофейников подходил к подъезду, где жила Кира, и недоумевал, почему по небу несутся тучи, а внизу нет ветра (он думал, что ветер поднимают летящие облака).

– Сы-ы-ы-р, – сказал он телекамере и достал бумажку.

У квартиры он еще раз повторил волшебное слово.

– Кто там? – спросили из-за двери.

Кофейников заглянул в бумажку.

– Это я, Кофейников. Я прибыл на смену Максиму Максимовичу, который получил расчет. Твое дело лишь с честью выполнить полученный приказ. Чи-и-и-з! В смысле сы-ы-ы-р.

Кира открыла дверь. Перед ней стоял Кофейников, демонстрируя, если не все тридцать два, то, по крайней мере, двадцать четыре крепких зуба.

– Мне слышалось, что вы сказали «сыр»? – с вопросительной интонацией приветствовала его Кира.

Кофейников выпятил грудь и подал вперед плечи, сделавшись шире самого себя. На его лице заиграла улыбка, достойная кисти Леонардо. Он сглотнул слюну.

– Выполнить полученный приказ, – повторил он. – С-с...

Кира посмотрела на него, и он запнулся.

– Давай, заходи, – сказала она. – А где Максим? Кофейников украдкой заглянул в бумажку.

– Получил расчет...

– Получил расчет, получил расчет, – напевал про себя Максим, видя, как проясняется небо и в лужах отражается синева.

Внезапно вышло солнце и затопило улицу теплом и светом. Фу-у-у! Но солнце, играя, заскочило за облако, и вновь подул холодный ветер. Деловая Москва не замечала маневров солнца, и оно, обидевшись, вышло из игры, скрывшись окончательно за занавеской сплошной облачности. И не угадаешь, где его теперь искать.

Максиму вспомнилось, как однажды они вышли в море на опытовом судне испытывать новый чувствительный прибор для поиска подводных лодок. Сначала их сопровождала наша подлодка, положение которой они наблюдали

по плавающему на поверхности шару, принятованному к корпусу лодки. Потом шар исчез из виду, лодка ушла. По радио сообщили, что больше в районе ни надводных, ни подводных судов нет. Можно возвращаться. И только им это сообщили, прибор поймал гидроакустический сигнал неизвестной подлодки. Это был очень слабый сигнал малошумной американской субмарины типа «Огайо». Видимо, лодка была достаточно близко. Вот всплывет эта «Огайо», высотой с пятиэтажный дом, длинная, как автобусная остановка, да заденет невзначай их корыто, и поминай, как звали! И тут, как назло, вышел из строя электрогенератор и вырубилась все приборы, и радиосвязь, и навигация, и гидроакустика – все. Жутковато стало. Надо возвращаться, командовать полный вперед, а куда? Техника ослепла. Магнитный компас здесь бесполезен. Где берег, вообще неизвестно. Облачность, солнца не видно, куда править-то? Горючего – в обрез. Три направления из четырех ведут к точке невозврата. Старлей, штурман вышел на ют – сплошные облака. Наука тоже на палубу выпала – ребята из «Морфизприбора»: все равно делать нечего без электричества в розетке. Надо бы спасжилеты надевать, да их всего три штуки, трофейные, времен войны. И что толку: вода ледяная.

Максим тогда имел задание экспериментально проверить, можно ли с моря определить тепловой след подводной лодки. И был у него в наличии шведский тепловизор, которым он пытался оценить температуру морской поверхности. Предусмотрительные шведы снабдили тепловизор аккумуляторами, так что он мог работать автономно. И направил тогда Максим его око не на море, а на облака. И тепловизор точно угадал, где находится солнце, пронзив взором густые тучи. Опытное судно взяло курс на юг, зная, что рано или поздно капитан упрется биноклем в берег, а там можно будет по старинке сориентироваться визуально.

Двигатель тарахтел исправно, судно, окрашенное в серую краску, как боевой корабль, с номером на борту, поспешило убраться из опасного района, где на глубине притаилось чужое чудовище. Максим водил тепловизором по студеному морю, и мнилось ему, будто почти неразличимые изменения температуры фиксируют галсы невидимой многоцелевой атомной машины, которая уверенно двигается в холодной мгле, акустически зацепившись за их тарахтелку. Максим понимал, конечно, что шестое чувство к делу не подошьешь, что нужны количественные характеристики для констатации факта обнаружения цели, и потому никому ничего не говорил.

Прошло немало времени, прежде чем нашли на борту полудохлый аккумулятор, к которому наука подключила свой экспериментальный прибор и опять запеленговала не отстающую «Огайо». Штатная аппаратура малозумную лодку не зафиксировала, поэтому обнаружение официально не подтверждалось: мало ли какие «глюки» могут возникнуть в ходе экспериментальных исследований. Прибор тоже постоянно терял акустический контакт с лодкой, однако алгоритм выделения сверхнизких частот указывал на присутствие огромной крадущейся за ними массы.

Наука, потная от гордости и страха, обсуждала возможности своего прибора обнаружить новейшую американскую субмарину «Морской волк». Все сходились на том, что «раз плюнуть», только немного доработать, но практически с «Морским волком» никто не сталкивался, и под него разрабатывался специальный комплекс обнаружения, на иных принципах, который носил название «Посейдон».

Наконец аккумулятор благополучно сдох, что породило чувство тревоги даже у тех, кто не верил науке. К счастью, до темноты успели восстановить подшипник генератора, и судно получило электричество. «Огайо» больше не появлялась: видно пошла своим курсом.

Когда стемнело, облака поредели, и на небе показалась луна. Она тускло светила сквозь дымку облаков, странным театральным фонарем вписываясь в морской пейзаж.

Лунная ночь на море у тех, кто привык к суше, вызывает странное ощущение. Будто зависишь в безграничном пространстве. Границы неба и воды стерты. Кажется, что находишься в центре подсвеченной изнутри черной дыры. Днем ты видишь и радуешься морскому простору. Наличие далекого горизонта вдохновляет. Душа наполняется энергией пространства. Замкнутое пространство угнетает человека, давит на психику, клаустрофобия, как ржавчина, разъедает сознание. Море, как песня, дает силы, как наркотик, зовет вновь и вновь испытать чувство окрыленности. Люди, испытывающие привязанность к морю, зовутся моряками...

Когда показались огни на берегу, окружающий пейзаж вернулся к привычной норме. Огни мирно, по-домашнему мерцали на взгорках. Суша – это проза. Море – поэзия...

Солнце все еще дулось на людей, и Максим спустился в подземный переход.

Утром следующего дня его физзарядку прервал телефонный звонок. Звонил директор охранного агентства.

– Слышь, Максим, ты как? Хорошо? Молодец! Знаешь, я вот тут мучаюсь вопросом, а не успе-

шили мы с тобой? С увольнением. Чего ты, в самом деле? Молодой мужик. Чего тебе увольняться? Может, вернешься? А, Макс? Хоть на месяц.

Максим молчал.

– Э, Макс, ты где?

– Что-нибудь случилось? – после паузы спросил Максим.

– Нет, типун тебе на язык. Ничего не случилось.

– Тогда будем действовать согласно прежним договоренностям. Не вижу причины менять решение.

– Ты что, обиделся?

– Отнюдь... Я так понимаю, что ты делаешь мне новое предложение, так?

– Так, – сказал директор, чувствуя ловушку.

– А я отказываюсь. Это ведь не то предложение, от которого нельзя отказаться?

– Погоди, я не пойму. Все будет, как раньше. Что изменилось? А, Макс?

– Как раньше не будет. И вообще, я готовлюсь к отъезду. Я уже сыну сказал.

– Повремени, Макс. Что тебе, деньги не нужны?

– Деньги нужны. Но, как сказал Гамлет, замыслы погибают от долгих отлагательств.

– Ну, извини... Раз Гамлет сказал! Куда уж нам с ним тягаться? Значит, не согласен?

– Нет.

– Точно?

– Точно!

– Ладно, так и передадим. Что с тобой делать?! Давай, лети! Счастливой дороги!

– Счастливого оставаться.

– Будь здоров!

– Буду!

Максим повесил трубку и застыл, закусив нижнюю губу. Одна за одной лопались удерживающие его бечевки. Внутри заработал мотор: вперед, вперед! Впереди еще масса дел, которые надо успеть переделать к отъезду.

На предпоследний день он наметил встречу с ней. Они не виделись пять лет. Бывает ли так, чтобы близкие люди, ближе некуда, расстались однажды, как обычно, чмокнув друг друга в дверях вагона метро (двери сошлись, она помахала ему, а он, убедившись, что она села, успокоился и пошел к переходу), так вот, бывает ли так, чтобы люди расстались и больше ни разу не встретились? Ничего не произошло. Просто она ушла и стала уклоняться от встреч. Ни разу не позвонила. Он звонил, она уклонялась. Вот ведь как: жить в одном городе и ни разу не встретиться!

Однако судьба подарила ему полувстречу, после чего он перестал метаться, боль разлуки стала постепенно стихать, остался шрам на серд-

це, он привык к одиночеству. Что значит полувстреча? Очень просто. Они проехали мимо него на эскалаторе. Он их видел, они – нет. Она была с мужчиной. Максим хорошо знал его, фактически сам же их и познакомил: замдиректора по науке гидрофизического института, профессор. До девяностых годов профессор жил, как в раю, на Черном море, пока однажды на райских пляжах не стали рваться грузинские снаряды, напоенный магнолиями воздух не посинел от выхлопов бронированной техники, и пальмы не почернели от жирного дыма горящей резины.

Замдиректора по науке видел, как прошиваются шальные пулеметные пули его румынскую мебель, как падает с полок фарфоровая посуда, как разлетаются по комнате хрусталинки дефицитной, по советским временам, люстры, как вздрагивают живым телом под пулями книги. Он лежал у подоконника, молясь, чтобы в окно не влетела граната или снаряд. Хорошо, что не успел обзавестись семьей.

Ему повезло добраться до Москвы. Его устроили на работу. Но в глазах, вобравших тропическую синеву неба, поселилась тоска, как у брошенной собаки.

Максим смотрел на себя в зеркало: прищуренный взгляд, нос, сломанный еще на первенстве спортивного общества «Буревестник», высокий лоб, крепкие скулы и пудовые кулаки.

Нет, такой жалости не вызывает. «Возможно, – думал он, – у женщин есть инстинкт укротительницы тигров, они стремятся взять верх над силой, но вот тигр улегся у ног, и они инстинктивно теряют к нему интерес. Ведь тигр остается только тигром. Не то – материнский инстинкт! Когда отдаешь свои силы тому, кто в них нуждается, нет, здесь интерес не пропадает. А ведь любовь питается интересом».

Прав был Максим или нет, трудно сказать, ведь сформулировать что-либо окончательно никогда не удастся. Но мыслил он, как говорится, в правильном направлении. Хотя... Хотя, согласимся, даже страдая, для себя он выбрал не самый плохой образ.

Итак, перед отъездом он уговорил ее на встречу, и любопытство у нее взяло верх над принципиальностью.

- Ты похудел, – сказала она.
- Просто мы давно не виделись.
- Говори, а то у меня мало времени.
- Вот. Уезжаю. К сыну.
- И к жене?
- К бывшей жене. Она замужем. И это хорошо.
- А муж?
- Там она командует. Собственно, она первая и предложила мне переехать.
- Насовсем?

– Как получится. Все дело в том, чтобы найти там работу.

– Получится?

– Не знаю. По их сетке я имею докторскую степень в области электротехники.

– Значит, есть шанс?

– Жена думает: есть. С докторской степенью хорошо платят. Не так же просто она меня приглашает. Треножник – самая устойчивая конструкция. Сын, муж, да еще бывший муж – тройная прочность!

– А ты?

– Если честно, не уверен. Я ведь уже делал запросы. Ты представляешь – никому не нужен. Всю жизнь нам втолковывали, что заокеанские магнаты только и мечтают заловить нас в свои сети, чтобы мы им выдали какую-нибудь тайну. А они и усом не ведут. Ноль внимания.

– А как же утечка мозгов? Русские там вроде ценятся.

– Это смотря какие русские. Как в анекдоте: «Вы с фамилией на “ко” принимаете? – Принимаем.– Коган, заходи!» – Максим махнул рукой.– Устроюсь грузчиком. Или тренером. Какая разница. Поздно карьеру делать. На своей вершине я уже побывал. Теперь путь вниз.

– Удачи тебе!

– Спасибо. А ты-то как?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Понятно,– сказал Максим.

– Нет, правда! Все хорошо. Значит, завтра летишь?

– Завтра.

– Давай, лети.

– Ага.

Они стояли у ворот ее учреждения. Она повернулась, чтобы уйти.

– Постой,– сказал Максим.

– Да?

– Я хотел тебя спросить. Нет. Я хотел сказать. Знаешь, я тут подумал. Если ты скажешь: не уезжай, я не уеду. А?

Она потрепала его за плечо.

– Не говори глупостей. Поезжай.

Максим отвел глаза, в них замелькали черные мушки.

От ворот она крикнула:

– Ты скоро вернешься!

– Нет!

– Вот увидишь! – Она вошла в ворота.

– Нет!

– Увидишь, увидишь!

– Нет! Нет! Нет! – твердил Максим, сжав кулаки и не отводя взгляда от ее спины: оглянется, нет?

Не оглянулась.

Бобр деловито переходил поляну, он держал путь к воде. Это был не русский, канадский бобр рыжевато-окраса. Руслан притормозил и подождал, когда зверек скроется в приозерных зарослях. Машину Руслан поставил недалеко от тяжелого потемневшего деревянного стола для туристов. До берега было метров пятьдесят. Он приехал не один, с приятелем, а приятель с девушкой.

Дно озера Гурон было усеяно камнями, поэтому у берега солнечные лучи проникали через прозрачную воду до самого дна. Огромные валуны лежали на берегу, но не только: они были разбросаны и на глубине, так что можно было заплывать довольно далеко, найти подходящий валун, встать на него и подставить плечи солнцу.

Ветер с озера шевелил вершины деревьев.

– Вот так будет типично! – сказал Руслан, осматривая приглянувшееся ему место.

– Ой, мальчики, если я сейчас не искупаюсь, я растаю, как мороженое! Вы как?! Готовы?

– Я – да! – сказал Руслан.

– А ты, Стив?

Тот, кого девушка назвала Стивом, приятель Руслана, неторопливо захлопнул дверь машины.

– Отчего же не готов? Решительно готов!

Маня, так звали девушку, пошла вперед, не сомневаясь, что Руслан и Стив следуют за ней.

– Лицо простенькое, а фигурка ничего! – отметил про себя Руслан.

Маня сразу же, не заботясь о волосах, нырнула и поплыла по-мужски, уверенно и прямо, грудью рассекая воду. Руслан последовал за ней. Когда Стив зашел по пояс, они были уже далеко. Каждый из них выбрал себе по валуну. Теперь Руслан и Маня, стоя на валунах, могли спокойно переговариваться. У Руслана над водой была видна одна голова, тогда как девушке вода доходила только до подмышек.

– Здорово, да?

– Да, – сказал Руслан.

– Молодец, что привез нас сюда.

– Хорошее место.

Стив нашел себе валун на берегу и растянулся на нем, подставив тело солнцу.

– А как насчет следующих выходных? – Маня осматривала почти безлюдный берег.

– Вряд ли получится, – сказал Руслан.

– Почему?

– Отец приезжает.

– Отец? – Маня сделала большие глаза. – У тебя есть отец?

– Да.

– Живой?

Руслан рассмеялся.

– А какой же? Конечно, живой.

– Настоящий?

– Самый настоящий, – Руслан весело посмотрел на Маню.

– А у меня только отчим, – тряхнула головой девушка. – Отец погиб. Он был летчик. Его даже хотели зачислить в отряд космонавтов.

Маня была моложе Руслана и не знала, что в его возрасте таким историям никто не верит. Маленькая ложь не изменила отношения Руслана к девушке, напротив, показалась ему чем-то трогательным, совсем в духе Советской России.

И вправду, Маня родилась в Ростове-на-Дону и никогда не знала толком, кто ее отец, откуда он взялся и куда делся. Мать, прикрывшись детской сказкой, ей этого не говорила. Позже мать вышла замуж за своего знакомого, который в «лихие девяностые» быстро поднялся, став миллионером, и переехал делать бизнес за океан. Здесь он купил дом, магазин и сделался предпринимателем средней руки. У него хватило ума ограничиться тем, что у него есть, и жить в свое удовольствие. Маня окончила универси-

тет Мак Мастер и стала дипломированной медсестрой.

То, что она с Дона, сыграло свою роль в ее знакомстве со Стивом. Стив был местным, из семьи русских эмигрантов. Семья эта до революции жила в Новочеркасске и покинула Родину одновременно с Деникиным. Стив тоже окончил Мак Мастер и остался работать в университете, чтобы получить степень магистра. Он работал с Русланом.

Руслан и Стив жили в семьях, Маня же, в силу независимости характера, окончив учебу, ушла из семьи и жила самостоятельно в небольшой квартире с лоджией.

Через полчаса проголодавшиеся молодые люди достали из машины походную газовую плиту, автомобильный холодильник и термосы с чаем. Стив в своей манере, без суеты, накрыл на стол.

Озеро Гурон (голубое с серебром) в обрамлении зелени уходило вдаль насколько хватало воображения. Где-то неподалеку были люди, их присутствие ощущалось, но не нарушало чувства свободы, привнося чувство не-по-за-брошенности. Короче, человек, природа, машины – все чувствовали себя на своем месте, в своей тарелке. Гармония, в меру поверенная алгеброй.

– К нему отец приезжает, – кивая в сторону Руслана, сообщила Маня.

Стив посмотрел на приятеля.

– Из России?

– Из Москвы.

– Из Москвы? Ах, хорошо!

– А он кто? – Маня задавала вопросы по существу.

– Кто? Человек, – сказал Руслан и уточнил, – был ученым, в общем, какая-то физика океана, точно не знаю. Знаю, что был морским офицером, дослужился до капитана первого ранга. В детстве он мне кортиком давал поиграть. Сейчас военный пенсионер. В Москве маленькая квартира, старая машина еще с коммунистических времен. Здесь ему будет неплохо.

– Что ж он, с вами будет жить? – спросил Стив.

– Да, он уже приезжал и жил. Мы и на этом месте с ним были, заплывы устраивали.

– Извини, Руслан, – у Мани заблестели глаза, – но Стив говорил, что ты живешь не один, с матерью и отчимом.

– Да не отчим он мне! – возразил Руслан. – Просто ее муж.

– Ну, хорошо, с ее мужем.

– И что? У них всегда были нормальные отношения. Все нормально.

– Однако же он уехал.

– Надо было – и уехал.

– А ты не выяснял?

– Чего выяснять? По работе или еще по каким делам.

– Руслан, душа моя,– вступил в разговор Стив,– не сердчай на Маню. Всему виной я. Взяла меня лихоманка рассказать ей о твоём статусе. Но ты ведь для своей семьи главная опора.

Руслан сдвинул брови, а затем неожиданно улыбнулся.

– Позволь еще одно слово,– продолжал Стив, ободренный этой улыбкой.– Право, не знаю, как сказать. Твой отец – настоящий русак?

– Не сомневайся.

– Ты находишь, что он имеет общий язык с твоим... э... с мужем твоей матушки? Ведь тот, насколько я осведомлен, принадлежит к жи... к еврейской нации.

– Absolutely! Абсолютно!

– Разве это возможно?

– Стив, по улицам Москвы давно не ездят ямщики, там не торгуют калачами и не пьют чай из самоваров. Спроси Маню, есть ли в Ростове или Новочеркасске хоть один шинок, где сидит и считает монеты старый Янкель? «Макдоналдс» есть, а шинка нет.

Стив покачал головой: мол, ну, право, не знаю.

Руслан с улыбкой смотрел на него. Маня тоже.

– Не бери в голову,– сказала она Стиву,– у нас на эти вещи никто не обращает внимания. Там

вообще никто не интересуется кто ты: православный, еврей, татарин. Хоть йог. Хоть сайентолог. Там всем все поровну! Есть деньги – заходи! Нет денег – пошел в ж...

Руслан рассмеялся. Стив бросил на него вопросительный взгляд.

– Грубовато,– сказал Руслан,– но, в принципе, если не в десятку, то в мишень точно!

– Сам подумай,– продолжала Маня,– кого сейчас могут волновать эти вопросы? Все во что-то верят.

– В то время, когда наши космические корабли бороздят просторы Большого театра,– вставил Руслан.

– Все верят по привычке, этот в этого, тот в того. На каждый чих не наздравствуешься.

– Все так,– сказал Руслан,– но Бог один. Он всесилен, как Интернет. А доступ к нему предоставляют разные компании-провайдеры. Понимаете? Просто провайдеры разные.

– Это ты очень верно заметил,– согласился с ним Стив,– кратко и емко. М-да!

– Дело за малым,– упорствовала Маня,– кто в него поверит? Что можно предъявить интернет-поколению? Ничего конкретного. Забей и не парься!

– Ты не права,– мягко заметил Стив.– Наш мир столь многообразен, что мы уверены: если есть сама возможность чьего-то существования,

то это, вероятнее всего, существует. И я, например, могу твоему интернет-поколению доказать существование Бога.

– Ты?

– Да. И это нисколько не сложно.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался Руслан.

– Извольте, – сказал Стив. – Что нам говорит логика первого порядка? А вот что: нельзя сказать, Он не существует, если найдется хотя бы одно приемлемое рассуждение, которое представит нам Его образ.

– Квантор существования? – спросил Руслан.

– Квантор?! – возмутилась Маня. – А попроще нельзя?

– Квантор – это просто логическая операция, – сказал Стив, поощренный Русланом. – Дело в том, что математическая логика не позволяет нам ошибаться, как это часто получается у нас в быту. Спасибо Бертранию Расселу. Хочешь пример? Сейчас. М-м-м. Вот! Вспомнил один анекдот. Кое-кто сожалел, что есть пословица: «Незванный гость хуже татарина». Обратились с просьбой исправить пословицу. Им и исправили: «Незванный гость лучше татарина». Это – бытовая логика. Неправильная.

– А как правильно?

– Элементарно, – сказал Руслан. – Смотри: здесь сказано, что любой незванный гость хуже татарина, так? То есть впереди стоит квантор

общности: всякий незванный гость. Согласно предикатной логике, отрицание этого утверждения будет выглядеть следующим образом: кванторы общности меняются на кванторы существования и наоборот, а заключительное утверждение – на противоположное.

– И что получается?

– Что получается? Существует или найдется такой незванный гость, который будет не хуже татарина.

– Оцени разницу, – сказал Стив. – Во-первых, не всякий незванный гость, а во-вторых, не лучше, а не хуже татарина, то есть может оказаться таким же. Понимаешь?

– С трудом.

– Если короче, нам важно, что если найдется хотя бы один пример, то он будет причиной отрицания всего утверждения, – заключил Стив.

– Вот это и есть квантор существования, – опять сказал Руслан.

– Да, – сказал Стив. – Вернулись к прежней позиции. Так вот! Дайте мне всего один пример, пускай не слишком удачный, пускай лишь отдаленно имеющий отношение к действительному положению дел, но условно убедительный, и этот пример разрушит монополию утверждения «Он не существует», откроет возможность для новых объяснений, новых, так сказать, моделей. И как только вы скажете: «Возможно!», то

за этим последует: «Вероятнее всего!», и здесь можно не сомневаться, что у вероятности будут одни девятки в периоде.

– Но это только преамбула? – спросил Руслан.

– Конечно, – ответил Стив. – Вся штука в том, какой пример предложить нашему продвинутому поколению. Вот в чем вопрос!

– Ага, все дело в примере, – поторопила его Маня.

– Далеко ходить не стану. Важно правильно построить модель. Довольно будет и того, что, зная о бесконечности и неисчерпаемости космоса, мои слушатели вполне допускают, что кроме нас в космосе существуют иные цивилизации. Итак, однажды Земля оказалась в поле зрения высшей цивилизации. Сюда прибыла экспедиция, научная экспедиция с решением... нет, не поселиться здесь, а заселить Землю существами, имеющими душу и разум, во всем похожими на прибывших, то есть создать население «по образу и подобию» своих создателей. Как тут быть? Что ж, я предложу своим слушателям следующую гипотезу. Профессор из экспедиции подбирает из местной фауны наиболее близкий по внешности образец, как вы догадываетесь, обезьяну, и с помощью известной ему генной инженерии изменяет геном, так что образец становится разумным существом с внешностью подобной внешности соратников профессора.

Могут ли допустить мои слушатели наличие данной технологии у высокоразвитой цивилизации? Безусловно, могут!

Руслан и Маня хотели что-то сказать, но Стив остановил их.

– Еще одно слово, – сказал Стив. – В целом ход моих мыслей вам понятен. Но важны и детали. Здесь уместно пофантазировать в известных рамках. Например, что опыт удался профессору не сразу, и возникли тупиковые варианты, над которыми наши ученые вместе с Дарвином ломают голову. Или, вспомнив Библию, предположить, что биологический материал для получения женской особи был взят из ребра уже полученного мужчины. Каждый может поупражняться в объяснениях разного рода артефактов. А теперь я спрошу у своих слушателей: «Кем, по вашему мнению, для новых одухотворенных существ будет их создатель?» Ответ очевиден. Можно даже не говорить, что они вполне могут быть научены и находиться под влиянием умной силы профессора.

– А что потом? – спросила Маня.

– Потом новое население стало размножаться, заселять и осваивать Землю, а экспедиция оставила ее, но продолжала держать ее в зоне своего внимания и даже контролировать ее. Только...

– Что только?

– Дело в том, что материалом для создания новых обитателей Земли было взято животное, и если представители высшей цивилизации были наделены высокими внутренними качествами, которые сочетались со спокойным достоинством, духовной силой, творческой энергией, то их создания не были избавлены от роковой двойственности. Ведь, наряду с полученным высоким внутренним наполнением, они сохраняли животные инстинкты и присущие дикому телу страсти, муки лишений и ярости. Создатели наблюдали за развернувшейся в ходе их опыта драмой, порожденной этой двойственностью, а драма между тем развивалась в целом в положительном ключе, выводя в приоритеты интеллект и взаимопонимание, а не животную силу и безжалостность.

– Он настоящий философ! Скажи, Руслан, – воскликнула Маня.

– Да! Здорово завернул! – поддержал ее Руслан.

– Философ не философ, а такая картина, по моему, убедила бы моих слушателей, – сказал Стив, опуская глаза. – Добавлю: вполне вероятно, что с тех времен остались полузабытые способы общения существ с их создателями. Они называются у нас молитвами и ритуалами. Может быть, на современный взгляд они кажутся не слишком «техногеничными», но ведь они

идут из незапамятных столетий, когда стиль, согласитесь, был совсем иным, чем сейчас. И так, вы, говорю я интернет-поколению, презирали религию, презирали веру, считали это чудесами для темного люда, а я показал вам, что Бог, даже с вашей скептической и материалистической точки зрения, может быть реальностью, что мы можем находиться в Его власти, и нам следует почитать Его и молиться Ему. Я скажу больше: отвергая Его, мы незаметно для себя отвергаем человеческое в себе. Тогда в нас берет верх таящаяся в нас изначальная дикость, тупость, страх. Они всплывают из глубин, и нам делается дурно и тоскливо или, как сказала бы молодежь, – напроць сносит башню.

– Очень правильная мысль, – заметил Руслан. – Как бы то ни было, мы все еще заморожены иерархией стаи, в нас еще живет желание доминировать. Тело, таким образом, является отражением дикого и опасного мира, тогда как «генетическая одухотворенность» – это истинная ценность человеческой жизни. Жизнь проходит в единстве и борьбе этих двух начал.

– Ну да! В этом вся психология человека – сочетание животного и божественного.

– Стив, – подытожила Маня, – ты начитался Достоевского.

– Mon cher, разве ты имеешь что-то против Достоевского?

– А мне фиолетово! Но ведь начитался! Скажи. Много читал? Много?

– Порядочно.

– Видишь, Руслан, он признался, понимаешь? А мне нравится Сэлинджер. Видишь, насколько мы разные?!

– Притягиваются только разные полюса, – дипломатично сказал Руслан.

– М-м-м, ты полагаешь? – раздумчиво копясь в мороженом, промычала Маня.

– Само собой, – подтвердил Руслан.

Все замолчали. Стив, довольный своей логикой, смотрел туда, где в мареве терялись просторы Гурона. Маня ела мороженое, а Руслан, смежив веки, подставил лицо ветерку, дувшему с озера. Наступила та редкая минута покоя, когда человек дремлет, заряжаясь живой силой от шелеста листвы, плеска воды, щебетанья птиц, тихого разговора.

Даже Маня оставила свое мороженое, положила голову на плечо Стива и закрыла глаза. Лицо ее по-детски разгладилось, а дыхание стало легким и ровным.

Они заблудились в своих снах. Маня, наверное, искала кого-то в золотой ржи, Стив наблюдал, как садятся на луг белые лебеди, а Руслан стоял на волнорезе и видел сверкающее тысячами бликов синее море.

Потом пили чай, и Маня сетовала на то, что торт из русского магазина слишком вкусный и

испортит ей фигуру. После чая пошли гулять, долго шли берегом, свернули в лес, опять берегом. Здесь могли охотиться Зверобой и Чингачгук, бесшумно двигаясь по оленьей тропе и избегая встречи с ирокезами.

Обратный путь показался Руслану короче, потому что туда он шел первым, а обратно последним. А первому путь всегда кажется длиннее, чем идущему сзади, таков закон.

– Хороший моцион сделали, – резюмировал Стив.

Перед отъездом еще раз славно искупались.

Руслан осторожно вырулил на дорогу и нажал на газ. Дорога вначале петляла по лесу, затем выбралась на короткую трассу, а трасса вывела их на четырехсотое шоссе, идущее прямо на юг.

– Погнали наши городских! – сказал Руслан, усаживаясь поудобнее, и включил круиз-контроль.

Через открытое окно бил ветер, и солнце обещало желтую зарю. Они перешли на четыреста третье, Руслан зажмурился и опустил козырек. Шоссе летело и летело навстречу. У Стива слипались глаза, а Маня, откинув голову, смотрела на дорогу.

– А чем он займется? – вдруг не к месту спросила она.

– Кто? – Руслан скосил глаза.

– Кто? Твой отец.

– Не знаю. Разошлем запросы в ближайшие университеты.

– Это все?

– Все.

– Значит, он проводит тебя утром в университет и будет ждать до вечера?

Руслан пожал плечами.

– Что такого? Раньше так и было. Он вроде ничего не говорил.

– И чувствовал себя иждивенцем?

– Не думаю. Он специально перед приездом перевел на мой счет деньги.

– А когда они кончились, уехал, да?

– Нет, наверное. Просто ему надо было. Деньги на моем счету так и лежат.

– Дальше – больше, – сказала Маня. – Какие же вы все-таки! То есть денег он здесь не имел?

– Зачем они ему? Все, что надо, покупалось.

– Понятно, – сказала Маня.

– Даже если ты права, – сказал Руслан, – то на этот раз он прислал такую сумму, что может жить сколько угодно. Да и вообще, думаешь, я буду считать какие-то деньги? Я зарабатываю столько, что хватит на полдюжины отцов.

– Понятно, – снова сказала Маня, и Руслан снова пожал плечами.

Больше он не отрывал глаз от дороги.

Впереди показался городской промышленный пейзаж Гамильтона: черные трубы на фоне

желтой зари. Слева от озера Онтарио высоко над дорогой строем летели дикие гуси.

Руслан свернул в город и поехал к Кингс Форрест. Там, недалеко от парка в большом доме за оградой жил Стив. Руслан въехал на территорию. Неодобрительно взглянув на стоящий здесь «Ягуар», он миновал клумбу и затормозил у входа. Руслан считал «Ягуар» ненадежной машиной и предпочитал «японцев», хотя сам по настоянию матери ездил на стильном внедорожнике «БМВ». Однако «японец», и не просто «японец» а «Лексус», все-таки стоял у него в гараже.

– Зайдешь? – спросил его Стив.

– Нет, поеду, пока светло, – ответил Руслан.

– Спасибо тебе за этот замечательный день, – сказал Стив. – Спасибо, что доставил нас с Маней прямо к парадному.

– Да, спасибо, – сказала Маня.

– Ты тоже выходишь? – уточнил Руслан.

– Да. Еще не вечер.

– Я ее потом отвезу, – сказал Стив. – Нынче у нас пирог с рыбой. Может, задержишься?

– Не люблю рыбу, – замотал головой Руслан, высунувшись из машины и улыбаясь.

Он лихо объехал вокруг клумбы и стрелой помчался по пустой улице. Выехав на Ред Хилл Вэлли, он доехал до развязки и свернул на Квин-Элизабет. Осаживаемый в городе до поры до

времени мотор легендарных баварских мастеров довольно зарычал, вмиг обогнав сразу несколько автомобилей, и, немного удовлетворив давно сдерживаемое желание скорости, запел в крайней левой полосе так, что казалось, будто он один – пожиратель пространства, а все остальные машины просто стоят на месте.

Когда Руслан доехал до дома, уже зажглись уличные фонари. Он поставил разгоряченный биммер в гараж.

– Привет, мам!

– Устал?

– Нет, сейчас душ приму и вернусь.

– Давай, ужинать будем.

Литературно-художественное издание

ГЕОРГИЕВ ВСЕВОЛОД

ТАКСИ ДЛЯ ОДИССЕЯ

Роман

Художественное оформление: *А. Б. Архутик*

Корректор *В. А. Нэй*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.08.2011 г.

Формат 80×100/32. Печ. л. 7,0.

Гарнитура «CharterС».

Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

155477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

Е-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru